

Народный артист России Валерий Леонтьев — он только что получил это звание официально — преподнес весенний подарок своим поклонникам: новую программу "По дороге в Голливуд", премьера которой состоялась 14 марта в ГЦКЗ "Россия". А 19 марта, в день своего рождения, Леонтьев представил шоу публике Санкт-Петербурга.

Песни новой программы, вошедшие в записанный в Лос-Анджелесе на студии "А & М" одноименный альбом, как всегда, несут на себе печать яркой индивидуальности артиста. А потрясающе выстроенный видеоряд — молнии, скалы, водопад! — плюс танцы балетной группы "Todes" служат обрамлением этого необычного таланта.

На прощание артист помахал рукой: "Веселись, у вас и без меня это замечательно получается". Зал только вздохнул в ответ...

За несколько дней до премьеры, на репетиции, мы встретились и побеседовали с новым народным артистом.

ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ:

“Шел своей дорогой и без поводыря”

Фото Я. СЕРГЕЕВА

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

— Как вам удается находить “золотое сечение” в музыке так, что она становится одинаково интересной слушателям всех возрастов?

— Я не ставлю перед собой такой задачи. Существует нечто даже не в музыке, а в моей актерской природе и форме подачи материала, что заставляет прислушиваться или же смотреть — в зависимости от акцента в восприятии: кто-то говорит “пойдем Леонтьева смотреть”, и таких большинство, а кто-то — “слушать”. Подкупает зрителей, наверное, эмоциональность, искренность, энергетический посыл в зал. Люди, как мне кажется, приходят за сопереживанием, чувствами (положительными, я надеюсь), которых они иногда лишены. И мне очень важно не просто растратиться на сцене, а получать ответную реакцию, — слава Богу, уже много лет это происходит, — и тогда силы утраиваются. Сложно работать в так называемых “черных” залах, когда со сцены не видно лиц зрителей, но в России, как правило, отраженный свет освещает половину партера, это очень помогает, я могу что-то петь конкретному человеку. Очевидно, та энергия, то чувство, которое я ощу-

щаю, умею передать и которое ко мне возвращается, и есть основное мое преимущество, а не стиль, звучание, аранжировка или даже тема песни. В одной из телепередач меня спросили: “Что вы делали последние пять лет?”. Я работал — снимался, записывал песни, готовил шоу, разъезжал по городам и селам, но, главное, я надеюсь, за эти годы мне удалось украсить чью-то жизнь.

— Получается, что сниматься в телешоу, где нет зрителей, вдвойне сложно?

— Съемки — вообще большая тема. С телевидением мне всю жизнь не слишком везло: сначала просто не показывали, но и потом, когда стало “все можно”, ситуация не намного изменилась: артист по-прежнему себе не хозяин. На телеэкране ты как бы “продукт” видения режиссера, который далеко не всегда представляет тебя так, как ты сам, а еще существуют оператор и монтажный стол, и в результате от того живого человека, который вышел на сцену в определенном настроении, остаются, как говорится, “рожки да ножки”. Обычно те зрители, что приходят на концерт, потом признаются, что стали по-другому ко мне относиться, поэтому больше всего я люблю работать

на сцене — там уже никто не может меня “испортить”, правда, и помочь мне тоже.

— Когда-нибудь искусствоведы будут писать исследования о музыке конца XX века. Как вы думаете, найдут ли они единое определение для вашего стиля?

— Я затрудняюсь давать такие прогнозы, но, например, уже сейчас известный критик Виталий Вульф в своей книге “Идолы, звезды, люди” назвал меня “родоначальником неоромантического бунта на эстраде”.

— Отмена прежней цензуры дала артистам полную свободу сценического самовыражения. Зато возникла опасность, что чересчур раскованные и, скажем так, незрелые выступления вызовут отторжение у зрителей со сложившимся представлением о большой сцене и привыку дурной вкус молодым...

— Бесспорно, отмена цензуры привела не только к положительному результату. Между прочим, на МТВ существует худсовет, и потому там на экран попадают пусть спорные, но яркие, профессиональные музыканты. В этом есть смысл.

— Не испытываете ли вы грусть по тем временам, когда было всего несколько музыкальных телепрограмм, а незабываемый новогодний аттракцион становился со-

бытием года?

— Грущу, но лишь потому, что все тогда происходило со мной впервые. Я пришел на студию грамзаписи “Мелодия” и спросил: “А как мне записать пластинку?” и тут же упал в голодный обморок, потому что в этот день я приехал в Москву из Горького и было столько встреч, и все сопровождалось переживаниями, что я не выдержал. Каждая концертная площадка была новостью. Перед выступлением в Театре эстрады я узнал, что всю ночь на набережной жгли костры люди, которые хотели с утра занять очередь в кассу. А во время съемок программы “Наедине со всеми” в Петербурге было такое столпотворение, что перекрыли трамвайное движение. Первый выезд за границу, первая конная милиция... Конечно, пережил много огорчений, например, с 1981 по 1985 год был “невъездным”, но все это вспоминаю со смехом, вернее, вообще не помню, не знаю имен своих обидчиков.

— Имидж — это способность артиста раскрыть данное ему Богом или целиком дело рук профессионалов?

— Бывает и интуитивное ощущение внешнего образа, способа подачи материала, и рабочий, профессиональный подход, когда человека одевают, учат общаться с прессой — то есть создают “звезду”. Со мной такого не происходило, поводыря не было, может, и жаль, что не было. Я все время двигался на ощупь, внезапно догадываясь, как поступить, делал много ошибок. Кстати, и выход на сцену 14 марта — чудовищная ошибка с точки зрения законов шоу-бизнеса, потому что никто не позволяет себе делать программу с большим количеством новых номеров, а я выхожу с 11 “нераскрученными” песнями, которые никто не слышал. Обычно исполнитель делает песню “хитом”, а потом она его “тянет”. У меня получается все наоборот: я “на собственном горбу” вытягиваю новый материал.

— Чем вы руководствуетесь в выборе песни?

— Знаете, бывает так: слушаешь, и по коже “пробегают мурашки”, значит, — мой материал. Это что касается драматических песен. К танцевальной музыке высоких требований не предъявляю — тут слова не особенно важны.

— Вы могли бы назвать свою любимую песню?

— Вряд ли, потому что если песня нелюбимая, то зачем ее вообще петь? Есть песни этапные: за балладу Тухманова “Памяти гитариста” я получил первую премию на конкур-

се, благодаря “Ненаглядной стороне” дебютировал на телевидении, с 1984-го по 1986-й — период работы с Раймондом Паулсом, затем — с Лорой Квинт, Игорем Тальковым, Олегом Газмановым. Некоторых песен вообще нет в моей фонотеке, но они есть в фэн-клубе, например, записи 1972 года.

— Я помню ваше великолепное вокальное исполнение “Турецкого марша” Моцарта. Вы не хотите вернуться к этому опыту?

— В те годы меня обвиняли в эклектике, и я даже придумал выражение — возражение: “Почему эклектика? Это полистилистика”. Сегодня я предпочитаю все же придерживаться более органичного стиля. Мне кажется, было бы неразумно включать в шоу “По дороге в Голливуд” Моцарта, Вагнера или Бетховена.

— Будет ли иметь продолжение ваш кинематографический опыт?

— Как правило, предлагают играть самого себя. В 1993 году я снялся в мистическом фильме “Экстрасенс” Геннадия Глаголева, но в результате конфликта с продюсером картина не появилась на широком экране, но вышла на видеокассетах. С этим режиссером связана целая история: в 1983 году он пригласил меня на пробы картины “Столкновение”. Моей партнершей должна была быть Елена Кондулайнен. Одним из эпизодов оказалась съестная сцена. Я был уверен, что съемки будут проходить при минимальном количестве людей, но ошибся: в одесский павильон набилось полгорода со своими табуретками! В общем, меня утвердили, но часть фильма снимали за границей, а я в тот период был “невъездным”. Глаголев отказался работать без меня, и его самого отстранили от картины. Так что наша совместная работа состоялась только десять лет спустя. Сыграть самостоятельную роль очень интересно, можно сказать, что я нахожусь в состоянии ожидания.

— В чем, на ваш взгляд, главное отличие программы “По дороге в Голливуд” от прежних?

— Прежде всего в музыкальном материале. Он не базируется на русском фольклоре или на “жемчужинах тюремной лирики”, что сейчас очень распространено. Я знаю, что мои песни не будут распевать веселые компании на свадьбах, но они найдут своего подготовленного слушателя, знакомого с интернациональной качественной поп-музыкой. Но, в общем, я остаюсь верным себе и своей публике.

Беседовала
Нармин ШИРАЛИЕВА

23.3.96.

Леонтьев Валерий